

МАРИНА СЕМЕНОВА

Уступай
дорогу
ДУРАКАМ
И СУМАСШЕДШИМ

Марина Семенова

**Уступай дорогу дуракам
и сумасшедшим**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Семенова М. М.

Уступай дорогу дуракам и сумасшедшим /
М. М. Семенова — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

И снова - треугольник, и снова на двоих женщин один мужчина, и снова, выйти из этого треугольника - значит что-то убить в себе, что-то такое, без чего потом очень трудно, почти невозможно будет жить. Каждую из нас эта геометрическая фигура так или иначе царапнула той или иной гранью. Или ещё царапнет. Никто не застрахован от любви. А там, где любовь, всегда испытание, на прочность или на вшивость. И, всё же, из любовного треугольника, в отличии от Бермудского, есть выход. Какой? Расскажет очередная книга Марины Семеновой, расскажет, как всегда честно, и очень увлекательно, когда мурашки по коже и в горле ком.

© Семенова М. М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Марина Семенова

Уступай дорогу дуракам и сумасшедшим

Она безбашенная. То есть совершенно. Но, как ни странно, именно за это ее и любят мужчины. Женщины – наоборот – завидуют и ненавидят. Поэтому, у Виолы совсем нет подруг. Только я.

Мужчины ее не просто любят, у них от Виолки сносит крышу. Напрочь. И она эти мужские крыши коллекционирует, а мужские сердца нанизывает на ниточку своей жизни, как бусины. Не потому что злая и циничная, а потому что сама ни разу не влюблялась и говорит, что «из всех человеческих человек любит одну меня».

Я ее тоже люблю. И, стараюсь не завидовать. Но, если честно, у меня это не очень хорошо получается. А, как вы хотели? Ей сорок пять, а выглядит – на тридцать. Нет, она не заложница своего тела и не VIP-клиентка клиники пластической хирургии, она, вообще, не заморачивается по этому поводу, просто Виолке повезло, она с годами не толстеет, не покрывается морщинами, не обрастает целлюлитом и не тускнеет взглядом.

Мне тоже сорок пять, но, выгляжу на сорок восемь. Это, если крашусь. Не крашенная – на все пятьдесят. И, мужчины меня... ну, не то, что не любят, просто не проявляют особого интереса, впрочем, не особого тоже не проявляют, проходят мимо, скользя взглядом, как по экрану выключенного телевизора. А, на Виолке их взгляд всегда задерживается. И, сразу вспыхивает желанием. Я не знаю, что в ней такое есть, и как это работает, но, наблюдать за тем, как самые грозные и прожженные мачо при виде моей подруги начинают краснеть, потеть и заикаться – особое удовольствие.

Дружим мы с Виолой, страшно сказать, сорок два года. Да-да, наши отношения начались еще в детсадовском возрасте. Она уже тогда выделялась из всех своей ангельской внешностью – кукольным личиком, белокурой головкой с вьющимися до лопаток локонами и огромными глазами, бездонными, как галактика, такими непроглядно темными, что казались двумя маленькими черными дырами, в которые с одного взгляда затягивались и навсегда пропадали сердца, поначалу бесхитростные мальчишеские, потом, выдавшие виды – мужские.

В детстве с ней хотели дружить все. Девочки делились игрушками и секретами, мальчики угощали конфетами и дрались между собой за право сидеть рядом на занятиях по музыке и во время обеда. С ней хотели дружить все, но, она выбрала меня. Подошла и спросила:

– Хочешь быть моей подружкой?

И взмахнула ресницами, длинными-предлинными и слегка закрученными на кончиках.

Я в ответ только кивнула, не силах разомкнуть пересохшие губы.

Вот так мы стали подругами. Однажды и на всю жизнь. Вместе пошли в первый класс и отсидели за одной партой все десять лет. Сколько мальчишек мне тогда завидовало, сколько из них пробовали уговорить меня поменяться местами, подкупить подарками и даже запугать. Но, я не уговаривалась, не подкупалась и не пугалась. Не потому что такая смелая, а, просто всегда и везде была под надежным Виолкиным крылом, защищенная не только ее красотой, но, и характером.

После уроков, как правило, мы шли ко мне, обедали, валялись на диване, попутно уча уроки, делая это как-бы между прочим, не напрягаясь. И ей, и мне, наука давалась удивительно легко.

Мои родители иногда позволяли Виоле остаться на ночь, не забыв, конечно же, поинтересоваться:

– А, твоя мама не будет против?

– Нет, она в командировке.

Отца у Виолы не было. Только мама, которая бесконечно пропадала в каких-то загадочных командировках, а по возвращении одаривала дочь разными одежками, вызывающими дополнительный повод для зависти – таких модных нарядов не было ни у одной девочки нашего класса. Выглядела в них Виолка просто великолепно, чем, еще тогда, подогревала к себе всеобщую мальчишескую любовь и тотальную девичью ненависть. Причем, ни первое, ни второе – ее нисколько не заботило, моя подруга была независима и самодостаточна, она не нуждалась ни в чьей любви и не боялась ничьих оценок, Виола, вообще, не интересовалась чужим мнением, хотя имела забавную привычку всегда переспрашивать, скорее для связки слов в предложении, чем для подтверждения своих мыслей:

– Разве не так? Я, что, не права?

Я с готовностью кивала головой, прекрасно понимая, что мое одобрение ей абсолютно ни к чему – Виола всегда знала, как лучше сделать и, как правильнее поступить в той или иной ситуации. Знала, делала и поступала.

У моих родителей Виола пользовалась беспспорным авторитетом. Каким-то чудом эта хрупкая белокурая девочка могла убедить их в чем угодно – взять в дом котенка, подобранного мною в какой-то подворотне, отрезать косу, когда в пятом классе я до дрожи в коленках захотела такую модную в то время стрижку сессун, а, в восьмом – пойти на дискотеку для взрослых во вновь открывшийся молодежный клуб. Иногда мне кажется, что с Виолой меня отпустили бы даже на Марс, в полной уверенности в том, что с нами ничего плохого не случится. И поверьте, так бы и было. Невидимый Ангел-хранитель держал над ее белокурой головой свои заботливые ладошки.

До пятого класса я ни разу не была у Виолы дома. Она не приглашала – я не запрашивалась, и, всегда была уверена, что у моей подруги дом такой же роскошный, модный и стильный, как она сама. В действительности все оказалось совсем не так, вернее, не совсем так.

В тот день у Виолы впервые начались месячные. Совсем неожиданно. К счастью, на коричневом форменном платье пятна крови не сильно заметны. В туалете, застирав трусики и замыв пятно на платье, Виола вынула из портфеля ручку с тетрадкой, вырвала из нее листок и что-то быстро на нем написала. Потом, вернув тетрадь обратно в портфель, достала оттуда ключи и протянула их мне вместе с листком.

– Вот тебе адрес. Квартира на первом этаже. Ключ от верхнего замка – маленький, от нижнего – большой. Когда будешь открывать, с силой потяни дверь на себя. Как зайдешь – вторые двери справа, в шкафу на второй полке кулек с бельем, найдешь там трусы.

– Какие? – растерялась я.

– Любые. Там же, в шкафу, в нижнем ящике, в выдвижном таком, возьмешь вату.

– Поняла. А платье?

– Платье не надо. Пятно небольшое, быстро высохнет. Давай, Ленка, бегом! А то мне как-то не очень торчать тут с голой жопой.

– Я сейчас, я мигом!

Проскочив два квартала за считанные минуты, я остановилась перед массивной дверью подъезда, перевела дух, еще раз глянула на листочек с номером квартиры и потянула за ручку. В полумраке поднялась по ступенькам и, оказавшись на площадке первого этажа, быстро пробежала взглядом по циферкам на дверях. Восемнадцать, девятнадцать, двадцать... Странно... А где же семнадцатая? Подъезд, что-ли, не тот? Но, она же предупредила, что на первом этаже...

В растерянности я сделала пару шагов назад, спустившись вниз по ступенькам, и только теперь заметила в темном углу под лестницей дверь. Подошла ближе – так и есть. Вот она – семнадцатая!

Повозившись с замками, я, наконец, открыла долгожданную дверь, переступила порог квартиры и в кромешной тьме стала ощупывать стены в поисках выключателя. Лампочка в хрустальном абажуре осветила крошечный коридорчик, оклеенный золотистыми обоями, а, небольшое зеркало в массивной раме отразило меня, взъерошенную и долговязую, и запахнутую за моей спиной входную дверь. Спohватившись, я быстренько вернула ее на место и метнулась в комнату в поисках шкафа, кулька и трусов. Как и было велено, схватила первые попавшиеся, потом наклонилась, дернула нижний ящик и нашла в нем рулончик с ватой в бумажной обертке. Вату сунула в карман передника, а трусики крепко зажала в кулаке и помчалась обратно в школу.

Всю обратную дорогу вместе с пульсирующей в висках кровью, в голове подпрыгивали и не давали покоя вопросы:

– Как?! Неужели моя Виола, такая красивая и недосыгаемая, как королева, живет в полуподвале?! Там, где обычно обитают дворники, неопрятные и не улыбочивые люди, о которых бабушка всегда твердит моему младшему брату, оболтусу и двоичнику:

– Вот, если не возьмешься за ум – станешь дворником, будешь жить в сыром подвале и хлебать щи из крапивы.

Из уст моей бабушки – это звучит так угрожающе, так пугающе безнадежно, что кажется страшнее этого не может быть ничего, страшнее этого – только смерть.

Я протягиваю Виоле кулачок и разжимаю руку, тонкая кружевная ткань оживает, распрямляется, словно растет из моей ладошки. Какие же они красивые! У меня никогда таких не было. И, я снова не могу представить себе Виолу, облаченную в эти невероятные ажурные трусики и стоящую посреди полутемной и тесной дворничкой. Мне думается, что это ужасно несправедливо и хочется навсегда забрать ее к себе – в нашу светлую и просторную, кажущуюся мне такой огромной, трехкомнатную квартиру.

– Ну, чего стоим, кого ждем? – Виола выдергивает меня из мира моих мыслей, а заодно из школьного туалета. – Идем, что ли?

– А-а-а... да... идем, – киваю я и плетусь следом за подругой.

На улице бует весна, все цветет, пахнет и отравляет кровь совсем недетскими желаниями. Мы идем вдоль раззеленевшихся улиц и на перекрестке Виола не бросает, как обычно отрывистое: «Ладно, пока!», а, глядя куда-то поверх моей головы, задумчиво произносит: «Ну, чего уж там... пошли!» И я понимаю, что это она так позвала меня к себе домой, и сердце радостно замирает в груди от того, что наконец-то – я удостоена! Удостоена, допущена, пожалована.

Дома Виола быстро сбрасывает с себя ненавистную форму, как принцесса-лягушка гадкую пупырчатую кожу, и облачается в какой-то немислимый бирюзовый спортивный костюмчик, такой мягкий на ощупь, что хочется трогать его ткань и долго гладить ладошкой, зажмурившись от удовольствия. А еще хочется поменять свою светлую и просторную трехкомнатную квартиру на этот сумеречный полуподвал, чтобы только оставаться с ней рядом и иметь возможность хоть иногда трогать все её вещи.

Словно прочитав мои мысли, Виола смотрит на меня задумчиво, пощипывая пальцами нижнюю губу, а потом распахивает передо мной приземистый массивный шкаф и произносит без тени надмения или снисходительности:

– Выбери себе что-нибудь!

– В смысле? – на всякий случай уточняю я, не веря своему счастью и пытаюсь убедиться в том, что не ослышалась.

– Ну, не будешь же ты париться до вечера в этом кошмаре!

«До вечера!» – вспыхиваю я радостно и только теперь замечаю насколько жарко и неудобно находится внутри своего коричневого школьного платья.

– А-а, что выбрать? – спрашиваю с придыханием, ощупывая взглядом каждую вещь на вешалке, ни к одной из них не смея прикоснуться. Как и все девочки моего советского детства, я не была избалована красивыми нарядами, да, что там нарядами, просто пристойной одеждой нормального радостного цвета. Приученная эпохой и родителями ко всему серенькому и коричневенькому (из ярких в моем гардеробе один только пионерский галстук), я лишь теперь, стоя перед щедро распахнутым передо мной шкафом, осознала, как сильно тоскую по всему этому кофточно-юбочно-брючному разноцветью.

Тем временем Виола сдернула с плечиков что-то отчаянно-абрикосовое и протянула мне:

– Давай, Ленка, переодевайся! Я – на кухню, жрать охота до невозможности!

И, бросив на кровать предназначенный мне, весь такой солнечный халатик, она исчезла в дверях комнаты. Выйдя из оцепенения, я стала судорожно сдирать с себя опротивевшую школьную форму.

Переодевшись, направилась в кухню, но, в коридоре на минутку притормозила, помимо двери в Виолкину комнату, из которой я только что вышла, распахнутой кухонной, с доносившимися оттуда звуками и запахами приготавливаемой еды, в нем находились еще две. Одна широкая, точно такая же, как дверь в комнату моей подруги, вторая – узкая, по всей видимости, ведущая в санузел. «Лена, вымой руки! Ты же с улицы!» – пронесся в моей голове строгий голос матери, и я стала искать глазами выключатель. Он тоже оказался совсем не таким, к которому я привыкла. Вместо черного язычка на грубой желтоватой пластмассе – белоснежный четырехугольничек с такой же кнопочкой, послушной и податливой, а главное – бесшумной. Выключатели, к которым я привыкла, клацали так громко, что я всегда знала, кто и когда из моих соседей ужинает, посещает туалет и ложится спать.

Ручка двери, за которую я взялась, тоже оказалась не такой, как у всех. Округлая медь, приятно легла в руку и тоже не произнесла ни звука, когда я надавила на нее. Все ее металлические составляющие дружили между собой, никто ни с кем не спорил, ни об кого не терся, не скрежетал и не повизгивал.

В открытую дверь на меня брызнуло светом. Именно так, а не иначе. Маленькая хрустальная люстра под низким потолком переливалась всеми цветами радуги, танцевала и веселилась, освещая собой крохотную, но, совершенно немислимую ванную комнату. По голубой кафельной глади поднимались вверх тонкими нитями нежно-зеленые водоросли, между которыми плавали дивные рыбы, отливая перламутровой чешуей. Станный умывальник, словно выросший из пола на округлой ножке, белоснежный унитаз и такая же ванна, отливающие серебром краны и темно-синие полотенца, аккуратно сложенные вчетверо и перекинутые через стол же блестящие, как и все остальное, хромированные кольца. Все в этой маленькой ванной комнате было безупречно – ни проступившей ржавчины, ни водных подтеков, ни известкового налета, ни мыльных пятен, ничего, что говорило бы о том, что этим всем, кто-то когда-то пользовался. И, я не посмела. Осторожно попятившись назад, я покинула все это сантехническое совершенство, не забыв выключить за собой свет, думая о том, что отпечатки моих пальцев теперь остались на стерильном выключателе.

Я поежилась, вздохнув с облегчением, словно сбежала из операционной, вырвалась из плена чистоты и стерильности, и шагнула в кухню. На столе уже дымилась картошка с мясом, разложенная по все таким же белоснежным тарелкам, правда, на этот раз, окантованных золоченой каймой. Согнутые треугольником и подложенные под тарелки салфетки, а еще нож с вилок, массивные и блестящие не меньше, чем краны в ванной, аккуратно выстроенные, словно солдаты на плацу, поверх этих салфетных треугольников – окончательно добились меня.

Виола поставила на стол хрустальную салатницу с безупречно выложенной в ней горкой свежих огурцов, яиц и зеленого лука, и несколькими идеальными майонезными мазками,

маленькую корзинку с эталонной хлебной нарезкой и как-то совсем не грациозно плюхнулась на стул. Из-под хлеба на нее осуждающе глянула накрахмаленная и отутюженная кружевная салфетка.

Подруга привычным движением взяла вилку в левую руку, нож – в правую и ловко отсекла небольшой кусочек мяса, отправила его в рот и вопросительно взглянула на меня. Чего стоим, кого ждем?

Я потянула на себя тяжелый дубовый стул и села, поджав ноги и с неприязнью глядя на лежащие передо мной столовые приборы, Виола перехватила мой взгляд и молниеносно отреагировала:

– Лен, вот только, ради бога, не заморачивайся ни на что. Ешь, как привыкла!. Это не выпендрож, просто я так приучена.

Я снова вздохнула облегченно и, взяв вилку в правую руку, наколола на нее плоский кусочек мяса размером с пол-ладони, поднесла к губам и осторожно надкусила, он тут же расслоился и истек в меня терпковатым клюквенным соком. Боже, как же это вкусно!

– У тебя что, мама – повар? – спросила я, проглатывая сочную мясную мякоть.

Виолка довольно хмыкнула и огорошила меня неожиданным ответом.

– Нет, Лена, моя мама не повар. И этот бифштекс готовила вовсе не она.

– А кто? – удивилась я, зная, что ни бабушки, ни отца у подруги нет.

– Все, что ты сейчас ешь – приготовила я, – пожала плечами Виола. – Салат бери!

– Угу, счас, – кивнула я, пережевывая картошку, такую же объеденную, как и мясо.

То, что Виола умеет готовить стало для меня настоящим откровением, нам всем кажется, что королевы не ходят в туалет, не чистят картошку и не потеют. Для меня Виола всегда была если не королевой, то принцессой точно. Впрочем, не только для меня, а для всех, кому посчастливилось с ней пересечься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.